

сердцевина — любовь, братолюбие и сострадание (качества, которые Леонтьев считал «изменой христианству», укоряя Достоевского за «общегуманитарные» пророчества) или «некая мистика, при коей “братолюбие” не особенно и важно?»* («Даже в монашеских общежитиях, — утверждал Леонтьев, пытаясь доказать неважность братолюбия, — опытные старцы не очень-то позволяют увле-

²⁹ К. Н. Леонтьев. О всемирной любви. С. 151. каться деятельною и горячею любовью, а прежде всего учат послушанию, принижению, пассивному прощению обид»²⁹).

Прямой ответ на этот стержневой вопрос Достоевский давал и в символе веры 1854 года, и много позже. «Вникните в православие, — обращался к своему читателю в 1876 году автор “Дневника писателя”, — это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ» (23; 130)**.

Какой вывод следует из этого высказывания? Что Христов образ — это одно человеколюбие, то есть обруганная Леонтьевым гуманность? Или что любое человеколюбие (милосердие, сострадание) имеет в основе своей Христов образ, лишенный в русской версии христианства всякой мистики (сверхъестественного, иносказательного, сокрытого), то есть доступный человеческому пониманию?

Шестью годами раньше (в 1870 году), работая над «Бесами», Достоевский предельно заостряет вопрос о том, в чем же именно состоит православная вера. «Можно ли веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем? — т. е. веровать безусловно — в божественность сына Божия Иисуса Христа (ибо вся вера только в этом и состоит)» (11; 178). Споры эти, как считал Достоевский, на века: «Мир полон ими и долго еще будет полон» (11; 179).

Высказывание 1876 года в системе религиозных убеждений Достоевского не отменяет высказывания 1870 года; они, эти высказывания, не противоречат друг другу, но, напротив, невозможны одно без другого. Безусловная вера в божественность Иисуса Христа не исключает, а именно подразумевает наличие у верующего живого чувства, «одного человеколюбия», без которого вера, лишенная теплоты и сердечности, превращается в фанатизм и изуверство.

Очевидно: человеческое у Достоевского невторостепенно и невторосортно, а первостепенно и принципиально, и этот статус человека в мире Достоевского следует принять как данность, как непреложность. Достоевский, как писал Н. А. Бердяев, «раскрывает Христа в глубине человека, через

* Именно так ставил вопрос В. В. Розанов в примечании к письму К. Н. Леонтьева, размышляя о его книге «Наши новые христиане, гр. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский». «Но если уж “изменой христианству” показалась Леонтьеву “любовь” названных писателей, призыв их к “братолюбию”, то чем могло бы показаться, в отношении к христианству, “алкивиадство”, “красивые страсти” самого Леонтьева?» (см. примечания В. В. Розанова к письму К. Н. Леонтьева к В. В. Розанову от 13 июня 1891 года. — «О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие». С. 191).

** Ср. с вариантом черновика: «Изучите православие, это не одна только церковность и обрядность; это живое чувство, вполне, вот те живые силы, без которых нельзя жить народам. В нем даже мистицизма нет — в нем одно человеколюбие, один Христов образ» (24; 264).